

УДК: 159.9.018

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-520-530

ПУТЬ В ПСИХОЛОГИЮ: О СТАНОВЛЕНИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОСЕМАНТИКИ

Петренко Виктор Федорович

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва),
Институт психологии Российской академии наук (Москва)*

В статье представлена история создания и становления экспериментальной психосемантики — исследовательского подхода, разрабатываемого В.Ф. Петренко совместно с его коллегами и сотрудниками на базе лаборатории психологии общения и психосемантики Факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Данное направление развивается в рамках методологической школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии с опорой на методические разработки Дж. Келли (теория личностных конструктов) и Ч. Осгуда (метод семантического дифференциала). Подробно описаны события второй половины шестидесятых и семидесятых годов прошлого столетия, заложившие фундамент будущего исследовательского подхода, основные этапы его развития в восьмидесятых и девяностых годах XX в., а также в настоящее время. Методы психосемантики используются для изучения содержания сознания, представлений человека в области политики, экономики, права, этики, искусства, его представлений о самом себе, других людях; индивидуальных и этно-социальных особенностей категоризации и построения образа мира применительно к сознанию как отдельного субъекта, так и социальных, этнических или профессиональных сообществ и групп. В последние годы акцент исследовательской работы в области психосемантики сдвинулся на физические аспекты проблемы категоризации, методологические сопоставления подходов психосемантики и квантовой физики.

Ключевые слова: экспериментальная психосемантика, индивидуальное и общественное сознание, бессознательное, менталитет, семантическое пространство.

THE WAY TO PSYCHOLOGY: ON THE DEVELOPMENT OF EXPERIMENTAL PSYCHOSEMANTICS

Viktor F. Petrenko

*Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)*

The article presents the history of the creation and formation of experimental psychosemantics — a research approach developed by Viktor Petrenko and his colleagues and employees on the basis of the laboratory of communication psychology and psychosemantics of the Faculty of Psychology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. This approach is developing within the framework of the methodological school of L.S. Vygotsky, A.N. Leontyev and A.R. Luria based on the ideas of G.A. Kelly (personal construct theory) and C.E. Osgood (semantic differential technique). The events of the second half of the 1960s and 1970s which laid the foundation for the future research approach followed by the main stages of its development in the 1980s and 1990s as well as at present days are described in detail. Psychosemantic methods are used to study the content of consciousness, ideas of a person in the field of politics, economics, law, ethics, art, his ideas about himself, other people; individual and ethno-social characteristics of categorization and construction of the image of the world in relation to the consciousness of both an individual subject and social, ethnic or professional communities and groups. In recent years, the focus of research work in the field of psychosemantics has shifted to the physical aspects of the categorization problem, methodological comparisons of the approaches of psychosemantics and quantum physics.

Keywords: experimental psychosemantics, individual and social consciousness, unconscious mind, mentality, semantic space.

Жизнь человека коротка. Трудно реализовать мечты молодости. Поэтому стоит осмыслить и успеть описать надежды и замыслы, определившие мой путь в области профессиональной психологии.

Я поступал на факультет психологии несколько раз. В детстве я увлекался физикой и биологией и собирался по окончании школы учиться на физфаке Московского Государственного университета (или на биофизике биологического факультета МГУ). Как победитель ряда биологических и физических олимпиад, окончивший школу с математическим уклоном, я был хорошо подготовлен к вступительным экзаменам. Но в 1966 г. случайная встреча на биофаке со студентом факультета психологии МГУ изменила мои планы, и я решил поступать именно туда. Я ничего не знал о психологии, но интуитивно почувствовал, что это мое. Вступительного экзамена по психологии тогда еще не было. Я получил «пять» по математике и «двойку» за ошибки в сочинении. Шок был очень тяжелым, стыдно было встречаться с одноклассниками. Надо было либо идти в армию, либо на вечерний факультет, и тогда я поступил в Московский энергетический институт на факультет радиоэлектроники. Чтобы иметь возможность повторно подать документы на факультет психологии, я пошел в школу рабочей молодежи за вторым аттестатом. Я работал прибористом, а во вторую половину дня учился: субботу и воскресенье чертишь чертежи, делаешь домашнюю работу по сопромату — ни девушки, ни развлечений. Потом я уехал вместе с «диким» отрядом сплавать лес в Сибири: заключенные валили деревья, а мы делали кошель для бревен и спускали плоты по реке.

К сроку сдачи вступительных экзаменов я полетел с пересадками в Москву и последним подал документы в приемную комиссию. Я, наконец-то, поступил на факультет психологии, и это было счастьем. Лекции по общей психологии нам читал А.Р. Лурия, а патопсихологию вела ученица К. Левина — Б.В. Зейгарник. Антропологию преподавал старый польский аристократ, профессор М.Ф. Нестурх, на экзамене даривший свои книги студентам и целовавший руки студенткам, а также иногда дававший фортепьянные концерты Шопена в университете. На факультете действовало студенческое научное общество, мы проводили много времени в дискуссиях и встречах с выдающимися психологами: перед нами выступали Дж. Брунер, М. Коул, А. Франц, К. Роджерс, К. Прибрам и др. Были крайне интересны как лекции, которые они читали, так и проводимые ими практические демонстрации. Но не менее значимыми были сами образы этих людей.

Так, Дж. Брунера встречала официальная делегация. С борта самолета спустился худощавый человек в джинсах и шлепанцах на босу ногу. Вместо официального приема Дж. Брунер отправился с нашими девушками-студентками кататься на коньках вокруг Большой спортивной арены на Воробьевых (тогда Ленинских) горах, а вечер провел в компании студентов в общежитии, слушая наших гитаристов. Читая лекцию на факультете, Дж. Брунер демонстрировал свои моторные навыки, взбираясь на стул и прыгая с него. В моей памяти остался образ молодого душой ученого, задающего неформальный стиль в науке. Каждый из этих выдающихся людей являл собой яркую личность и оставил след в профессиональной и личной биографии своих слушателей. Настоящий Учитель, не только передает знания, но и дает ученикам возможность идентифицироваться с ним, принять его стиль жизни, и тем самым творчески подняться и духовно вырасти. Это, конечно, относится не только к приглашенным иностранным лекторам, но и к нашим профессорам: А.Н. Леонтьеву, А.Р. Лурии, В.П. Зинченко и многим другим.

Занятия на факультете психологии перемежались с индивидуальной работой, которая была организована вокруг общей психологии и проблематики сознания. По поручению профессора П.Я. Гальперина на методологическом семинаре я успешно сделал доклад по книге «Творческая эволюция» А. Бергсона [Бергсон А., 1998]. Кроме того, я разработал и опубликовал модификацию методики Л.С. Выготского и Л.С. Сахарова [Петренко В.Ф., 1983], провел исследование по использованию теории графов в психологии восприятия, результаты которого представлены в сборнике под редакцией А.Н. Леонтьева [Петренко В.Ф., 1976], опубликовал статью «Динамика семантического поиска» в сборнике «Исследование речемыслительной деятельности» под редакцией М.М. Муканова [Петренко В.Ф., 1974]. Аналогично тому, как немецкие ученые проводили совместные путешествия со студентами по городам Германии, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия придумали Летние психологические школы (ЛПШ): в спортивные лагеря МГУ могли выехать 15–20 студентов разных курсов под руководством профессора и помогавших ему доцента и ассистентов. Впервые я поехал в ЛПШ под руководством В.П. Зинченко. Это была незабываемая школа, освященная демократизмом Владимира Петровича, где в составе участников были будущие профессора А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, Е.В. Субботский. Но самой значимой для меня стала школа под руководством А.Н. Леонтьева, посвященная пробле-

мам сознания, проведенная в 1972 г. — все лето я готовился к ней в библиотеках. Утром в первый день мы загорали, купались и, лежа кружком на пляже, вели дискуссии. Наконец, прилетел Алексей Николаевич вместе с доцентом В.В. Лебединским, и жизнь переместилась в палатку, где студенты и аспиранты делали доклады, а А.Н. Леонтьев, попыхивая сигаретой, внимательно слушал и затем давал свои комментарии. Как декан, А.Н. Леонтьев всегда внимательно присматривался к студентам, утверждая, что «лаборант — это будущий доцент», и, таким образом, обеспечивал молодой факультет лучшими выпускниками. Я сделал хороший доклад, и он готов был взять меня аспирантом. Но я попал в больницу и пропустил все сроки подачи документов. Тогда А.Н. Леонтьев принял меня на должность старшего лаборанта, а затем и ассистента кафедры общей психологии.

Переход от студенчества к жизни преподавателя был очень болезненным. Помимо основной нагрузки в 1500 «горловых» часов в год, меня назначили куратором студенческого курса. По ночам меня мучил один и тот же сон: я играю на сцене и не выучил роль, пытаюсь по репликам актеров понять, что мне говорить дальше (чисто фрейдовская тематика). Я приходил домой безумно уставшим и несколько раз прямо в одежде падал в ванну, не в силах раздеться. Затем А.Н. Леонтьев перевел меня в старшие научные сотрудники, а уже в 1978 г. я защитил под его руководством кандидатскую диссертацию. Я с трепетом отдавал готовый текст шефу, но Алексей Николаевич ничего не изменил, а лишь исправил грамматические ошибки. Оппонентами были А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя и А.А. Брудный. Основная идея диссертации заключалась в том, что, отталкиваясь от частной методики семантического дифференциала (СД), предложенной Ч. Осгудом, я пытался разработать универсальный психосемантический подход к реконструкции категориальной структуры индивидуального и общественного сознания. Отправной точкой выступил следующий факт, полученный в наших многочисленных исследованиях: содержание трех базисных факторов семантического дифференциала не сводимо к факторам Оценка, Сила, Активность, а зависит от содержания исходного материала анализа. Ч. Осгуд в ходе исследования феномена синестезии (побочным продуктом которого и была методика СД) использовал самый разнообразный материал. Наши исследования показали, что применение какого-либо однородного исходного материала для построения СД может дать разнообразную картину категориального строя семантического дифференциала в зависимости от когнитивной сложности

испытуемого (или испытуемых). Были описаны принципы и этапы построения семантических пространств и сконструирован ряд вербальных и невербальных пространств, в том числе на материале рисунков Чюрлениса, осуществлен кластерный анализ эмблем «Общества охраны природы» [Петренко В.Ф., 1978]. Защита прошла успешно и больше ста человек праздновали ее в Доме киноактера, а затем человек тридцать — в моей однокомнатной квартире.

Надо отметить, что теория личностных конструкторов Дж. Келли на момент защиты моей диссертации была еще не известна в Советском Союзе. Из перевода книги Ф. Франселлы и Д. Баннистера, изданного в 1987 г. [Франселла Ф., Баннистер Д., 1987], я узнал, что Дж. Келли приезжал в 1966 г. в Москву на международный психологический конгресс, но его визит остался в целом незамеченным российскими психологами. Спустя год он умер. В отличие от Ч. Осгуда, Дж. Келли использовал в качестве шкал не антонимы, взятые из Оксфордского словаря, а разработал метод триадического выбора, где сам испытуемый должен был порождать шкалы СД, выделяя свойство, объединявшее два из трех объектов, и находить качество, по которому первые два противопоставлялись третьему. То есть сами испытуемые создавали шкалы СД, по которым оценивались интересующие исследователя объекты. Это новшество значительно увеличивало степень свободы в исследованиях. Математический аппарат Ч. Осгуда и Дж. Келли был сходным — это факторный и кластерный анализ [Окунь Я., 1974], но если Ч. Осгуд по образованию был бихевиористом, то Дж. Келли разделял конструктивистский подход в психологии и этим был мне ближе [Kelly G.A., 1955]. Термин *психосемантика* мы придумали еще в конце 1970-х вместе с аспирантом Г.А. Шмелевым, чтобы как-то «развестись» с группой психолингвистов под руководством А.А. Леонтьева, которые занимались изучением порождения речевого высказывания. Благодаря помощи А.Г. Асмолова, мы с А.Г. Шмелевым получили листаж от совета молодых ученых МГУ для издания книги «Введение в экспериментальную психосемантику». Но из-за того, что молодые философы не использовали полученный ими объем, мы смогли издать две книги персонально каждый с добавлениями в заглавии. В дальнейшем наши пути несколько разошлись, и интересы А.Г. Шмелева сместились в психодиагностику и создание тестов.

Среди множества экспериментальных исследований тех лет можно выделить несколько, которые запускали новые подходы и парадигмы. Я давно

собирался использовать психосемантику для кросс-культурных исследований, и таковым стало задуманное мной сопоставление менталитета русских и азербайджанских девушек, осуществленное с помощью разработанной мной методики множественной идентификации. В качестве испытуемых были выбраны студентки МГУ и Бакинского университета. В Бакинском университете был дефицит испытуемых мужского пола, и мы набирали их среди рабочих бакинских нефтяных приисков. Испытуемым предъявлялся ряд поступков, и их просили оценить по градуальной семибалльной шкале *вероятность свершения* этих поступков «ими самими», «их матерями (в том же возрасте, что и сами испытуемые)», «идеальной девушкой», «девушкой 40 лет тому назад», «презираемой девушкой», «девушкой через 20 лет», «русской», «азербайджанкой». Ответы испытуемых суммировались в матрицы и подвергались процедуре факторного анализа [Иберла К., 1980]. Исследование показало существенные различия в менталитете представительниц двух культур и почти полную идентичность поведения у девушек и мужчин одной национальности [Петренко В.Ф., Алиева Л.А., 1987]. Хотя интуитивно ясно, что поведенческие стереотипы девушек разных национальностей и религий заведомо отличаются, подготовленная статья по этому исследованию пролежала более семи лет в редакции (несмотря на положительные отзывы двух академиков), т.к. ее основная идея противоречила политическому утверждению «Создана новая социальная общность — советский народ». И только благодаря горбачевской оттепели статью удалось опубликовать в 1987 г.

Успехи в этнопсихологии позволили надеяться и на возможное продвижение в исследовании политического менталитета. В конце восьмидесятых годов прошлого века страна бурлила, образовывались политические партии, переосмысливалась история страны, выдвигались политические требования. Важно было понять: «Куда несет нас рок событий?» Помощником в изучении этого вопроса стала О.В. Митина, с которой мы познакомились на одной из конференций, проводимых в Московском государственном университете. О.В. Митина окончила мехмат и аспирантуру в МГУ. Мне понравился ее доклад, и я предложил ей пойти работать в лабораторию психологии общения и психосемантики, которую я унаследовал от А.А. Бодалева и которой руковожу по сей день. Так я заполучил своего первого сотрудника в должности старшего лаборанта. Ольга Валентиновна за два года окончила факультет психологии, а еще через три года защитила под моим руководством кандидатскую диссертацию по психологии.

Идея политологического исследования была такова: проанализировать категориальную структуру общественного сознания, описать политические установки ряда общественных и российских политических партий и движений. Метод исследования — кластер-анализ и построение семантического пространства (СП) политических партий. Участниками опроса были члены различных политических партий и движений, как правило, руководство партий, общим числом 299 чел. В качестве шкал, по которым политические лидеры оценивали свое согласие или несогласие с политическим утверждением, выступали несколько сотен политических суждений самого разного толка, актуальных в 1989–1990 гг., например (нумерация соответствует оригинальному опроснику):

1. Необходимо законодательно закрепить право военнослужащих не выполнять приказы, противоречащие закону или международному праву («Гражданский референдум», № 1, 1989 г. Хартия МНФ).

2. Некоторые советские издания переполнены ядом, направленным против самого СССР и социализма. Чувствуется за этим скрывается рука империализма, реакции и контрреволюции (Фидель Кастро. Гавана 1989 г.).

36. Необходим контроль трудящихся за средствами массовой информации (Первый съезд Объединенного фронта трудящихся СССР. Документы и материалы).

81. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь развития (А.Д. Сахаров, «Советская молодежь», 9 января 1990, заключение).

128. Наилучшим решением межнациональных проблем является заключение нового Союзного Договора, при котором СССР преобразуется в конфедерацию суверенных государств (Программа Социал-демократ № 2).

205. Права нации — выше прав человека (Латвийский НФ, Известия, 21.12.90).

Первичная обработка данных состояла в группировке участников опроса по их принадлежности к той или иной партии и суммировании индивидуальных протоколов в групповые по каждой из 32 партий (см. рис. 1). Факторно-аналитическая обработка данных с целью построения семантического пространства политических партий проводилась методом главных компонент с поворотом факторных осей методом Varimax. Наряду с факторным анализом проводился кластер-анализ того же исходного материала, полученного в опроснике (см. рис. 2).

Были выделены три основные силы: сторонники демократических преобразований, начатых

М.С. Горбачевым; сторонники коммунистической идеологии; национал-патриоты. Если в пилотажном эксперименте 1989 г., проведенном нами, ведущим был фактор «принятие/отвержение» коммунистической идеологии, то в 1990 году ведущим фактором оказался «интеграция/распада» СССР на независимые республики. Мой коллега и друг А.П. Назаретян, взглянув на результаты факторного и кластерного анализов политических партий, заключил, что высока вероятность распада страны. Я же побывал во всех республиках и собирался построить карту политического менталитета СССР (и у меня везде были аспиранты). Я помню, как возражал А.П. Назаретяну и горячо спорил с ним, но спустя полгода случилось то, что случилось, и несмотря на результаты всесоюзного референдума о сохранении СССР в Беловежской Пуще, лидеры трех славянских республик подписали документ о

прекращении его существования. То, чем это обернулось, мы наблюдаем и сегодня в форме противостояния России и Украины, поддерживаемой Евросоюзом, НАТО и США. В то время я сдал подготовленную нами статью в Психологический журнал и уехал на международную конференцию в США, а вернувшись домой обнаружил, что в результате путча и отстранения от власти Горбачева все очень сильно изменилось. Подробное описание этого исследования представлено в нескольких публикациях [Петренко В.Ф., Митина О.В., 1991, 2018]. Позднее мы с О.В. Митиной провели исследование по сходной методике в Казахстане [Петренко В.Ф. и др., 1993], а также построили типологию граждан России по отношению к проводимым экономическим и политическим реформам [Петренко В.Ф., Митина О.В., 1997].

Рис. 1. Кластер-структура политических партий 1991 г.

Fig. 1. Cluster structure of political parties in 1991

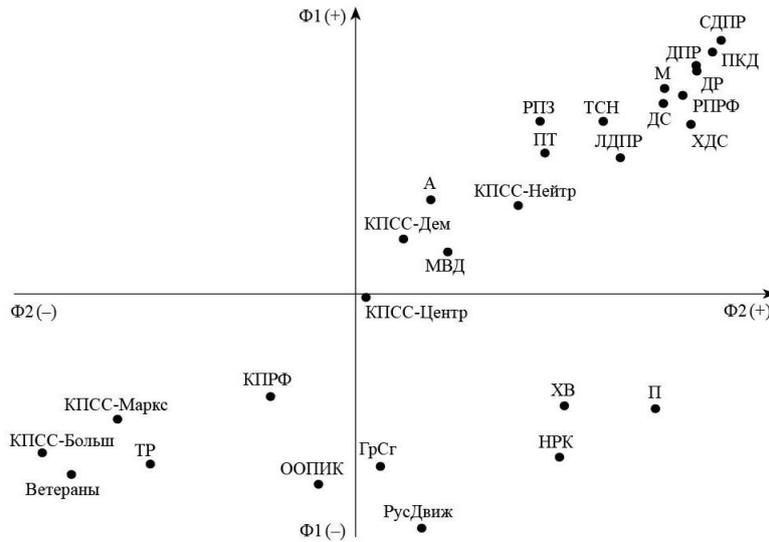

Рис. 2. Семантическое пространство политических партий России (1991 г.) (Ф1, Ф2).
 Ф1 (+) Конфедерация или союз суверенных государств ↔ Ф1 (-) Унитарная государственность;
 Ф2 (+) Отвержение коммунистической идеологии ↔ Ф2 (-) Принятие коммунистической идеологии

Fig. 2. Semantic space of Russian political parties (1991) (Ф1, Ф2). Ф1 (+) Confederation or union of sovereign states ↔ Ф1 (-) Unitary statehood; Ф2 (+) Rejection of the communist ideology ↔ Ф2 (-) Acceptance of the communist ideology

Примечание: расшифровка названий партий приведена на рис. 1.

Note: the decoding of the names of the parties is shown in Fig. 1.

Другим нашим фактически сотрудником стал мой аспирант В.В. Кучеренко. Еще в середине семидесятых, проводя как-то занятия, я обратил внимание на красивого студента с тяжелым взглядом — это был Владимир Вилетарьевич. Свой тяжелый взгляд он унаследовал от дедушки, красного командира времен гражданской войны. По рассказам Володи, его тогда еще молодой дед заходил в конюшню, и лошади начинали метаться и испуганно ржать. Очевидно, сказывалась мощная энергетика, которую ощущали даже животные. Сам Володя владел гипнозом, которому обучил его еще в школьные годы преподаватель секции карате в г. Самаре (позднее В.В. Кучеренко научил этому и меня: дело оказалось довольно простым, учитывая самоуверенность молодости). Когда А.Н. Леонтьев решил проводить наряду с Летней психологической школой еще и Зимнюю, он предложил мне быть его помощником. Я, в свою очередь, позвал нескольких студентов, в том числе и В.В. Кучеренко, принять участие в работе школы. В то время ректором МГУ был пользовавшийся большим уважением физик, альпинист Рем Викторович Хохлов, который ввел отдельные корпуса для проживания студентов и студенток. Когда мы приехали в зимнюю школу в студенческий дом отдыха «Отличник» и по приглашению девушек вме-

сте с преподавателем В.В. Столиным залезли в женский корпус через окно в гости, то с удивлением увидели внутри В.В. Кучеренко, который там уже освоился.

Освоился Володя и в лаборатории психологии общения и психосемантики. Мы с В.В. Кучеренко стали проводить многочисленные эксперименты с использованием гипноза. Так, например, меняли с помощью гипноза эмоциональное состояние пациента и просили ранжировать цвета методики Люшера по предпочтению [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1988]. Использование ранговой корреляции показало, что хотя испытуемые приходили в лабораторию в различных эмоциональных состояниях, при внушенном состоянии они демонстрировали статистически значимое сходство для каждого из них. После окончания эксперимента мы, естественно, удаляли внушенное состояние. Составив план исследования влияния эмоций на процесс категоризации, мы с В.В. Кучеренко пришли к декану факультета психологии А.Н. Леонтьеву за научной поддержкой. Алексей Николаевич нас доброжелательно выслушал, но высказал озабоченность тем, что если с испытуемым что-то случится, то доказать, что причина не во внушении, будет достаточно трудно. Как вспоминал сам Алексей Николаевич, за его книгу «Проблемы раз-

вития психики» ему дали ленинскую премию, но были и голоса из политбюро с предложением посадить его за идеализм.

Продолжая рассказ о прошлом, вернемся к Зимней психологической школе. Приехавшие туда молодые преподаватели демонстрировали собственные методики и исследования. Так, В.В. Столин рассказывал о псевдоскопии, Б.С. Братусь — о проблемах духовности. Социальный психолог Данилин привез сложную конструкцию, которую должны были собирать двое людей, используя для общения только невербальную коммуникацию. Перед студентами-зрителями ставилась задача заранее определить успешность каждой пары. Победителем оказался В.В. Кучеренко вместе со своей пациенткой. Он совершал минимальное количество движений, но смотрел в глаза девушки и каким-то образом передавал ей информацию о возможных действиях. Мы тоже тогда проводили исследование по влиянию эмоций на процессы категоризации и столкнулись с необычным явлением. В доме отдыха студенты жили по два человека в комнате, и когда мы проводили эксперимент с одним из них, его сосед попросил разрешения присутствовать во время опыта. Мы согласились, но, чтобы он не отвлекал внимание нашего испытуемого, тому внушили, что он не будет видеть своего соседа. Эксперимент протекал как обычно, но, когда испытуемый заполнял матрицу данных для построения семантического пространства (а это занимало не меньше часа), его сосед, до этого с интересом наблюдавший за происходящим, решил, что раз уж он невидимый, то никому не мешает, если он побреется к вечерним танцам. Дребезжащий звук электробритвы буквально вывел из себя нашего испытуемого, не способного определить его источник. Мы сделали соседа невидимым для испытуемого, но не подумали сделать его еще и неслышимым. Наш испытуемый мучительно не мог понять, что является источником этого дребезжащего звука. Он встал и сделал несколько шагов в его сторону: сосед испуганно вскочил с кровати, где сидел — вид сомнамбулы с застывшим выражением лица может внушить страх. Но наш испытуемый, подойдя вплотную к источнику звука, остановился и погрузился в еще более глубокий транс. Так видел наш испытуемый своего соседа или нет? Если видел, то почему так мучительно не мог определить источник звука? Такое не сыграешь специально. Если не видел, то почему он не попытался пройти сквозь своего соседа и остановился перед ним? Мы предполагаем следующее: он воспринимал, но не осознавал, аналогично тому, как в наших экспериментах испытуемые не указывали на запрещенные объекты, но

обходили их или семантически близкие им объекты, например, при запрете видеть ложки, торчащие со стола. Видеть и осознавать — это разные процессы. Можно вспомнить пример Пьера Безухова из «Войны и Мира» Л.Н. Толстого, когда Пьер «не видел» убийства французским солдатом его приятеля Каратаева. Сильный аффект может блокировать осознание воспринимаемого, как, например, мать может не осознавать смерть грудного младенца и носить его на руках, пытаться кормить и ухаживать за ним.

Долгие годы техники гипноза применялись в нашей лаборатории для исследования влияния эмоций на процессы категоризации [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1986], взаимосвязи эмоциональных состояний и цветовых предпочтения [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1988], феномена «слепого пятна» (выпадения целых семантических областей из осознания при гипнотическом запрете видеть запрещенный объект) [Петренко В.Ф. и др., 1998], процесса медитации [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 2008]. В ходе этой многолетней работы был разработан ряд суггестивных психотехник, позволяющих реализовать широкий диапазон работы с бессознательным. Данные техники были использованы при изучении динамики трансформации личности пациента в ходе лечения больных алкоголизмом. В конце 1990-х гг. В.В. Кучеренко и я подрабатывали в наркологической больнице № 17 г. Москвы, и много экспериментировали как в клинике, так и в нашей лаборатории. Специфика лечения больных алкоголизмом, разработанная В.В. Кучеренко и А.П. Вальбой, заключалась в том, что у пациентов не только вырабатывались мощные негативные переживания на потребление алкоголя (как в методе Довженко), но и в трансовых гипнотических сеансах внушались прекрасные положительные переживания — пациенты летали в космос, созерцали Землю, купались в волнах эфира.

Для исследования динамики самосознания испытуемых просили оценить по градуальной шкале «вероятность» (или меру естественности) каждого поступка из списка по отношению к ролевым позициям, связанным с образом Я («я сам», «я в мечтах», «я через три года», «мой идеал»), а также образов и различных социальных ролей («бизнесмен», «хронический алкоголик», «несчастный человек», «хороший семьянин»). Ниже приводится фрагмент трансформации картины мира группового («алкогольного») субъекта, по двум факторам: «Общее благополучие ↔ Неблагополучие» и «Упорядоченность бытия ↔ Жизненная нестабильность (готовность к переменам)» (см. рис. 3) [Петренко В.Ф. и др., 2006].

Как видим, в ходе гипнотерапии позиция «Я сам» (после гипнотерапии) перемещается в семантическом пространстве вверх по фактору «Общего благополучия» и почти совпадает с ролевой позицией «Я в мечтах» (до гипнотерапии.). Позиция же «Я в мечтах» (после гипнотерапии) поднимается, открывая новые горизонты реализации мотивов и потребностей. Все позитивные ролевые позиции перемещаются по фактору «Общее благополучие» во все более позитивные зоны, в то время как негативные ролевые позиции оцениваются после гипнотерапии еще более негативными и несчастными. По фактору «Стабильность бытия» позитивные роли перемещаются в сторону «Нестабильности» как стремление к переменам, в то время как негативно оцениваемые ролевые позиции сдвигаются к полюсу фактора «Стабильности» (постоянства). Этот феномен (применительно к нашим пациентам — хроническим алкоголикам), очевидно, связан с тем, что до лечения с помощью гипнотерапии они имели проблемы и в семье, и на работе, где от них,

возможно, стремились избавиться, что заставляло их искать постоянства. Пройдя же курс лечения, они чувствуют себя гораздо увереннее и уже задумываются о перемене стиля жизни, смены работы или переменах в семейной жизни. Рассматривая рис. 3, можно убедиться, что изменения координат ролевых позиций в ходе гипнотерапии осуществляется не в форме хаотичного (броуновского) движения, а вполне закономерным образом: семантическое пространство как резиновое растягивается/сжимается по ведущим осям категорий-факторов. Еще один сотрудник нашей лаборатории, А.П. Супрун, показал, что семантические пространства содержат признаки, близкие к предельным параметрам (таким предельным параметром в физике выступает скорость света, а для психологической реальности предельными параметрами являются экстремальные эмоциональные состояния), т.е. проблематика физики и психосемантики имеет общий смысловой корень в языке описания и конструирования реальности.

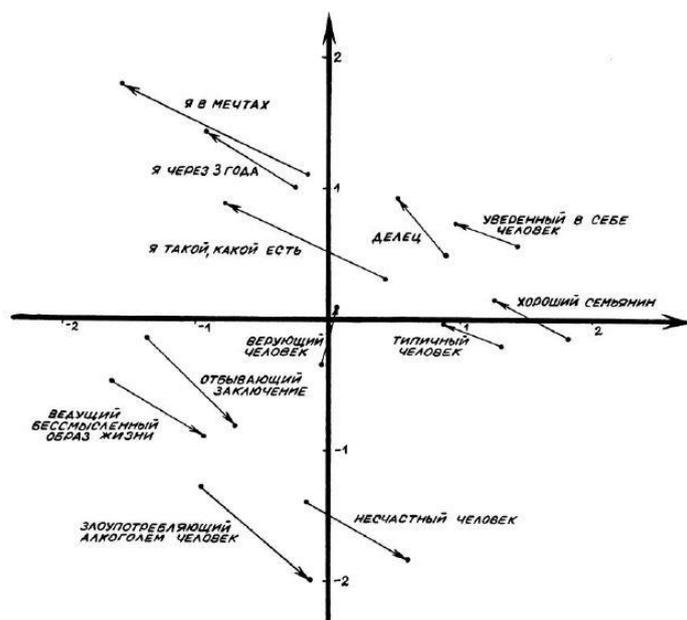

Рис. 3. Семантическое пространство динамики ролевых позиций в ходе гипнотерапии у пациентов наркологической клиники по факторам «Общее благополучие ↔ Неблагополучие» и «Упорядоченность бытия ↔ Жизненная нестабильность (готовность к переменам)»

Fig. 3. The semantic space of the dynamics of role positions during hypnotherapy in patients of the narcological clinic according to the factors «General well-being ↔ Trouble» and «Order of being ↔ Life instability (readiness for change)»

Итак, психосемантический подход к исследованию сознания и процессов бессознательного, возникший в рамках методологической школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурии с

использованием и дальнейшим развитием методического инструментария Ч. Осгуда и Дж. Келли, значительно расширил теорию и проблематику исследований, вобрав в себя методологические

принципы постнеклассической рациональности (В.С. Степин, В.А. Лекторский), философию конструктивизма (Дж. Келли, В.Ф. Петренко), проблематику семиотики (Ю.М. Лотман, В.В. Налимов) применительно к языкам осознания, принципы диалогичности сознания (М.М. Бахтин, А.А. Брудный), проблематику измененных состояний сознания и трансперсональной психологии (С. Гроф, А. Минделл, Р. Фрейджер) [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 2019]. В последние годы акцент исследовательской работы в области психосемантики сдвинулся на физические аспекты проблемы категоризации, методологические сопоставления подходов психосемантики и квантовой физики и, в частности, сопоставление методологии коллективного бессознательного, теории и практики сенсомоторного психосинтеза и квантовой физики, инициированное в начале прошлого века совместными трудами психолога К. Юнга и лауреата нобелевской премии — физика В. Паули, что привело нас [Петренко В.Ф., Супрун В.В., 2014, 2017, 2021] к трактовке сознания как процесса пространственно-временной предметной категоризации, осуществляемой с помощью языка (в его самой широкой трактовке), а коллективное бессознательное — как допредметной и системной формы нелокальности бытия, существующей вне категорий пространства и времени.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00624.

Acknowledgements

The research was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of research project № 21-18-00624.

Список литературы

- Бергсон А.* Творческая эволюция: пер. с фр. М.: Канон-Пресс: Кучково Поле, 1998. 384 с.
- Иберла К.* Факторный анализ / пер. с нем. В.М. Ивановой. М.: Статистика, 1980. 398 с.
- Окунь Я.* Факторный анализ / пер. с польск. Г.З. Давидовича. М.: Статистика, 1974. 200 с.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 177 с.
- Петренко В.Ф.* Динамика семантического поиска // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 109–118.
- Петренко В.Ф.* К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятель-

ность / под ред. А.Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 268–292.

Петренко В.Ф. Психологическое исследование значения на словесном и образном уровнях: дис. ... канд. психол. наук. М., 1978. 149 с.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики множественных идентификаций // Психологический журнал. 1987. Т. 8, № 6. С. 46–54.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1988. № 3. С. 70–78.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Влияние эмоций на процесс категоризации // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Эмоциональная регуляция учебной и трудовой деятельности». М., Одесса, 1986. С. 233.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма не опосредованного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83–101.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Теория и практика сенсомоторного психосинтеза // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 2. С. 147–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0869-5873892147-156>

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба А.П. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 5. С. 16–27.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Россохин А.В. Измененные состояния сознания как психологическая реальность // Журнал практического психолога. 1998. № 4. С. 81–93.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 31–61.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 6. С. 55–77.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Политическая психология: психосемантический подход. М.; Челябинск: Социум, 2018. 590 с.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 1. С. 53–88.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Влияние системы референции на конструирование образа мира в психологии и физике // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 4. С. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920016016-3>

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Квантовая физика и психология в контексте постнеклассической рациональности // Методология современной психологии: сб. ст. / под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.Ф. Петренко. М.; Ярославль: ЯрГУ: ЛКИИСИ РАН: МАПН, 2014. Вып. 4. С. 194–215.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.; СПб.: Нестор–История, 2017. 380 с.

Францелла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам: пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 236 с.

Kelly G.A. The psychology of personal constructs: in 2 vols. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1955. 1218 p.

Получена: 01.10.2022. Принята к публикации: 21.10.2022

References

Bergson, A. (1998). *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Moscow: Kanon-Press, Kuchkovo Pole Publ., 384 p.

Francella, F. and Bannister, D. (1987). *Novyy metod issledovaniya lichnosti: rukovodstvo po repertuarным lichnostnym metodikam* [The new method of personality research: A guide to repertory personal techniques]. Moscow: Progress Publ., 236 p.

Iberla, K. (1980). *Faktornyy analiz* [Factor analysis]. Moscow: Statistika Publ., 398 p.

Kelly, G.A. (1955). *The psychology of personal constructs: in 2 vols.* New York: W.W. Norton & Company Publ., 1218 p.

Okun', Ya. (1974). *Faktornyy analiz* [Factor analysis]. Moscow: Statistika Publ., 200 p.

Petrenko, V.F. (1974). [Dynamics of semantic search]. *Issledovanie rechemyslitel'noy deyatel'nosti* [Research of reflective activity]. Alma-Ata, pp. 109–118.

Petrenko, V.F. (1976). [On the issue of semantic analysis of the sensual image]. *Vospriyatie i deyatel'nost', pod red. A.N. Leont'eva* [A.N. Leontyev (ed.) Perception and activity]. Moscow: MSU Publ., pp. 268–292.

Petrenko, V.F. (1978). *Psikhologicheskoe issledovanie znacheniya na slovesnom i obraznom urovnyakh: dis. ... kand. psih. nauk* [Psychological study of meaning at the verbal and figurative levels: dissertation]. Moscow, 149 p.

Petrenko, V.F. (1983). *Vvedenie v eksperimental'nyuyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydenom soznanii* [Introduction to experimental psychosemantics: a study of forms of representation in ordinary consciousness]. Moscow: MSU Publ., 177 p.

Petrenko, V.F. and Alieva, L.A. (1987). [Study of ethnic stereotypes using multiple identification methods]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 8, no. 6, pp. 46–54.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (1986). [Influence of emotions on the process of categorization]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii «Emotsional'naya regulyatsiya uchebnoy i trudovoy deyatel'nosti»* [Abstracts of reports of the All-Union Conference «Emotional regulation of educational and labor activities»]. Moscow, Odessa, p. 233.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (1988). [Association of emotions and colors]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 3, pp. 70–78.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (2008). [Meditation as a form of non-mediated knowledge]. *Voprosy Filosofii*. No. 8, pp. 83–101.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (2019). [Theory and practice of sensorimotor psychosynthesis]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 89, no. 2, pp. 147–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0869-5873892147-156>

Petrenko, V.F., Kucherenko, V.V. and Ros-sokhin, A.V. (1998). [Altered states of consciousness as a psychological reality]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of a Practicing Psychologist]. No. 4, pp. 81–93.

Petrenko, V.F., Kucherenko, V.V. and Vyalba, A.P. (2006). [Psychosemantics of altered states of consciousness (based on the material of hypnotherapy of alcoholism)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 27, no. 5, pp. 16–27.

Petrenko, V.F. and Mitina, O.V. (1991). [Semantic space of political parties]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 12, no. 6, pp. 55–77.

Petrenko, V.F. and Mitina, O.V. (1997). [Attitude of Russian citizens to reforms and typology of political attitudes]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 18, no. 5, pp. 31–61.

Petrenko, V.F. and Mitina, O.V. (2018). *Politicheskaya psikhologiya: psikhosemanticheskiy podkhod* [Political psychology: a psychosemantic approach]. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium Publ., 590 p.

Petrenko, V.F., Mitina, O.V. and Shevchuk, I.V. (1993). [Socio-political scientific study of public consciousness of residents of Kazakhstan]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 14, no. 1, pp. 53–88.

Petrenko, V.F. and Suprun, A.P. (2014). [Quantum physics and psychology in the context of post-nonclassical rationality]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii: sb. st.* [Methodology of Modern Psychology: collection of articles]. Iss. 4, pp. 194–215.

Petrenko, V.F. and Suprun, A.P. (2017). *Metodologicheskie peresecheniya psikhosemantiki soznaniya i kvantovoy fiziki* [Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics]. Moscow, St. Petersburg: Nestor–History Publ., 380 p.

Petrenko, V.F. and Suprun, A.P. (2021). [Influence of the reference system on the construction of the image of the world in psychology and physics]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 4, pp. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920016016-3>

Received: 01.10.2022. Accepted: 21.10.2022

Об авторе

Петренко Виктор Федорович

доктор психологических наук,
член-корреспондент РАН, профессор

заведующий лабораторией психологии
общения и психосемантики,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
125009, Москва, ул. Моховая, 11/9;

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;

e-mail: victor-petrenko@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6122-6172>

ResearcherID: I-4783-2012

About the author

Viktor F. Petrenko

Doctor of Psychology,
corresponding member of RAS, Professor

Head of the Laboratory of Communication
Psychology and Psychosemantics,
Lomonosov Moscow State University,
11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia;

Institute of Psychology, Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaya st., Moscow, 129366, Russia;

e-mail: victor-petrenko@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6122-6172>

ResearcherID: I-4783-2012

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Петренко В.Ф. Путь в психологию: о становлении экспериментальной психосемантики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 520–530.

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-520-530

For citation:

Petrenko V.F. [The way to psychology: on the development of experimental psychosemantics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 520–530 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-520-530